

- Цветаева А. И. Amor // Цветаева А. И. Amor: Роман и повести. М., 1991.
- Цветаева А. И. Анне Герман // Цветаева А. Зерна памяти: Машинописный сб. М., 1984.
- Цветаева А. И. Воспоминания. 4-е изд., доп. М., 1995.
- Цветаева А. И. Мой единственный сборник: Стихи. М., 1995а.
- Цветаева А. И. Из раскопок памяти // Музыкальная жизнь. 1989. № 7–8.
- Цветаева А. И. Камертон: Машинописный сб. / Сост. Г. К. Васильев, Г. Я. Никитина. М., 1992; 2001.
- Цветаева А. И. Корни и плоды // Звезда. 1979. № 4.
- Цветаева А. И. Неисчерпаемое. М., 1992.
- Цветаева А. Открытое письмо художникам двух противоположных направлений: Ирине Бржеской и Екатерине Толстой // И. Бржеская. Живопись. А. Цветаева. Эссе о художнике. М., 1994.
- Цветаева А. Письмо одновременно двум художникам двух направлений: Ирине Бржеской и Екатерине Толстой // Цветаева А. Зерна памяти: Машинописный сб. М., 1984а.
- Цветаева А. И. Пятисвечник // Наука и жизнь. 1980. № 7.
- Цветаева М. И. Мать и музыка // Собр. соч.: В 7 т. М., 1994а. Т. 5.
- Цветаева М. И. О Германии // Собр. соч.: В 7 т. М., 1994б. Т. 4.
- Цветаева М. И. Поэма Воздуха // Собр. соч.: В 7 т. М., 1994в. Т. 3.

Автор благодарит за предоставление уникальных материалов, использованных при подготовке данной статьи, Анну Николаевну Качалину, Галину Яковлевну Никитину, Глеба Казимировича Васильева, Ивана Ильичева, Ольгу Чернятьеву

В оформлении вклейки раздела «Культурная норма» использован рисунок свечи художницы М. В. Белькевич

ГЛЕБ
КАЗИМИРОВИЧ
ВАСИЛЬЕВ,

ГАЛИНА
ЯКОВЛЕВНА
НИКИТИНА

СТИХОТВОРЕНИЕ АНАСТАСИИ ЦВЕТАЕВОЙ «80 ЛЕТ» Текстологический анализ

В статье, которая является первым опытом текстологического анализа уникального по истории создания последнего, «программного» стихотворения А. И. Цветаевой «80 лет», раскрывается возможная мотивация авторских изменений текста, при этом выявляются удивительные скрещенения судьбы А. И. Цветаевой с творчеством М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, В. В. Розанова, А. Амиеля, кн. Д. А. Шаховского (архиеп. Иоанна Сан-Францисского). Впервые приводятся уникальные архивные автографы и фотографии А. И. Цветаевой.

А. И. ЦВЕТАЕВА с супружеской четой друзей («Мои Глебы») – Г. Я. Никитиной и Г. К. Васильевым – в комнате на ул. Горького. Москва. Праздник Сретения. Февраль 1976 г.
Фото Г. К. Васильева. Из личного архива А. И. Цветаевой

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Мне восемьдесят лет. Еще легка походка
Еще упруг мой шаг по ступеням,
Но что-то уж во мне внимает кротко
Предчувствиям, и предсказаньям, снам.

5 Мне восемьдесят лет? Сие понять легко ли,
Когда еще взбегаешь по холму,
И никогда еще сердечной сильной боли,
Ни головной, – но сердцу моему

Уж ведомо предвестие томленья
10 Тоска веселья, трезвость на пиру,
Молчания прикосновенье
К замедлившему на строке перу.

Анастасия Цветаева (ЕС)

Это стихотворение было первым, написанным Анастасией Цветаевой после более чем 30-летнего молчания ее поэтического пера, наступившего, после того как она узнала, спустя два года, о трагической гибели своей сестры. Оно оказалось и последним из написанных ею стихотворений¹. В архиве А. И. Цветаевой имеются три, разнящихся между собой, автографа этого стихотворения – рабочий черновик с авторской правкой, написанный на оторванной обложке ученической тетради, чистовой список на оторванной половине стандартного листа писчей бумаги и письмо к М. Н. Изергиной от 14 августа 1975 года².

17. Восемьдесят лет.
 Мне восемьдесят лет. Еще легка
 еще упрям мой шаг по ступенькам,
 ко гр-ро упр во мне внишее, и кроко
 предугадываю и предсказанью
 Мне восемьдесят лет? еще помяну
 когда еще вбегать по холму
 и никогда еще сердечной силой
 и полюбил, — но сердцу моему
 уж ведомо предвестия галактики
 тогда веселья, презвост на пишу
 и маня прикосновение
 к замедлившему на строке перу.
 1974, Коктебель.

Чистовой список автографа стихотворения «Восемьдесят лет».
 Из личного архива А. И. Цветаевой

Приведенная выше редак-
 ция последней посмертной
 публикации стихотворения
 (ЕС) существенно отличается
 как от рукописных автографов,
 так и от ряда его прижизнен-
 ных публикаций в различных
 изданиях. Сделаем попытку
 приоткрыть завесу творческой
 лаборатории поэта — выявить
 возможную мотивацию автор-
 ских изменений, последова-
 тельно вносимых в текст этого
 стихотворения.

Ниже приведены разно-
 чтения первого чернового ав-
 тографа (А1), чистового спи-
 ска (А2), письма к Изергиной

(«Мусенька! шлю Вам мое новое. Коктебель, май, 1975. <...>») (ПИ) и двух иден-
 тичных публикаций в альманахе «Поэзия» (АП. С. 107) и в книге «Тетрадь Ники»
 (ТН. С. 35) относительно последней публикации (ЕС).

ЗАГЛАВИЕ И ДАТА

(А1)	Коктебель, конец мая 75, АЦ на берегу
(А2)	17. — Восемьдесят лет, 1974, Коктебель
(ПИ)	Коктебель, май, 1975
(АП), (ТН)	Мне 80 лет Лето 1974 г. Коктебель
(ЕС)	Восемьдесят лет

В (А1) и (ПИ) заглавия отсутствуют. Они появляются в списке (А2), который,
 вероятно, подготавливался к публикации. На это указывает число «17», поставлен-
 ное перед заглавием, которое могло означать порядковый номер в предполагае-
 мой подборке стихов. Это подтверждает и помета на обороте листа, относящаяся к
 строфе наброска какого-то другого стихотворения (неопубликованного)³: «Моло-
 дость не давать, а вместо нее — Та-
 русу». Впоследствии стихотворе-
 ние под названием «Молодость»
 вошло в сборник (ЕС. С. 96).

В первых двух публикациях
 (АП) и (ТН) цифровое написание
 «80» придавало заглавию выгод-
 ную для восприятия графическую
 симметрию. В последней публика-
 ции (ЕС) заглавие возвращено,
 возможно редакцией, к безлично-
 му варианту чистового списка (А2)
 и (ПИ). Отсутствие даты и места на-
 писания в (ЕС) объясняется отсут-
 ствием этих данных у всех помещенных в сборник стихотворений.

Что касается разночтений в
 датировке, то здесь следует иметь

Коктебель, конец мая 75
 мне 80 лет. еще легка
 еще упрям мой шаг по ступенькам,
 ко гр-ро упр во мне внишее, и кроко
 предугадываю и предсказанью
 Мне восемьдесят лет? еще помяну
 когда еще вбегать по холму
 и никогда еще сердечной силой
 и полюбил, — но моему уму
 уж ведомо предвестия галактики
 тогда веселья, презвост на пишу
 и маня прикосновение
 к замедлившему на строке перу...

Черновик автографа «Мне 80 лет». Из личного архива А. И. Цветаевой

(А1), (А3) и (ПИ). В отличие от предыдущей строки, здесь мы видим укороченную форму — (Я4), что также существенно выпадает из общей ритмической структуры стихотворения. Поэтому строка доведена до 5Я путем замены «приметам» на «и предсказанью». Вместо трех перечислений имен существительных одного семантического гнезда остались с союзом «и» лишь два перечисления: «предчувствиям и предсказанью, снам...» с предполагаемым продолжением, которое отмечено многоточием.

Строка 4. (АП), (ТН). Вместо многоточия унифицировано множественное число всех членов перечисления.

Строка 4. «Предчувствиям, и предсказаньям, снам»

(ЕС) — запятая перед союзом «и» ошибочна и появилась, вероятно, как опечатка при наборе книги.

Строка 5. «Мне восемьдесят лет»

(А1). «Мне 80 лет. Понять легко ли».

Первоначальное «Мне» зачеркнуто и сверху вписано: «Да, восемьдесят лет, понять легко ли» — усилен интонационный контраст между утверждением до цезурной части строки и вопросом в ее послецезурном окончании. Категоричное утверждение своего 80-летия, как уже сказано выше, *не могло* прозвучать до его фактического (!) наступления — еще одно подтверждение правильности датировки стихотворения 1975 годом («конец мая 75»). Вопрос в этой строке обращен автором к самому себе и, таким образом, акцент поставлен на противопоставлении «паспортного» возраста и его физических возможностей — «взбегаю по холму».

Строка 5. (А2) и (ПИ). «Мне 80 лет? Сие понять легко ли,»

Автор вернулся ко «Мне», может быть, для сохранения строфической анафоры. Вопросительный знак, обращенный к читателю, придал строке риторический характер.

Строка 5. (АП) и (ТН). Тот же смысл сохраняется и при следующем вопросительном знаке в конце строки — «Сие понять легко ли?» — тем более, что архаическое «сие» придает слегка иронический оттенок всему поэтическому пассажиру строки.

Строка 6. Во всех редакциях, кроме последней (ЕС), строка имеет вид: «Когда еще взбегаю по холму». Основания для замены «взбегаю» на «взбегаешь» — не ясны.

Строка 7. (А1) и (ПИ). «И никогда еще сердечной боли»

(А2) и все последующие редакции: «И никогда еще сердечной сильной боли».

Таким образом эта строка уравнивается в своем слоговом объеме с 5 строкой, и вторая строфа стихотворения приобретает симметричное строение с правильным чередованием м. и ж. окончаний, соответствующее метрической схеме всего стихотворения.

<u>Строка</u>	<u>(А1)</u>	<u>(ЕС)</u>
5	5Я (ж)	6Я (ж)
6	5Я (ж)	5Я (м)
7	5Я (ж)	6Я (ж)
8	5Я (м)	5Я (м)

Из таблицы наглядно видно упорядочивание чередования шести- и пятистопных ямбов с ж. и м. окончаниями.

Строка 10. (А1). «Тоска в веселии, трезвость на пиру,»

«Веселии» сразу исправлено на «весельи», что объясняется необходимостью устранить пропуск ударения в третьей стопе, разрушавший ритм строки 5Я (м).

Строка 10. (А2) и далее. «Тоска веселья, трезвость на пиру».

В варианте (А1) обе части строки имели вполне идентичную грамматическую конструкцию, что приводило к ограниченному восприятию ее первой части — «тоска» в месте «веселья», по модели «в застолье», «на пиру», в «компании» и т. д.

(А2) предполагает расширительное понимание слова «тоска» как горького прикуса в чувстве веселья, как состояния души, вызванного любой причиной — счастливой встречей, находкой, участием в детских играх и т. д. Однако предложенная конструкция, возможно, не удовлетворила автора и по причине эвфонического недостатка вследствие трудности произнесения удвоенного «в-в».

Строка 11. «Молчания прикосновение»

(А1) и далее до (ЕС). В (ЕС) написано «прикосновенье». По-видимому, здесь имеет место редакционное изменение окончания «ние» на «нье» соответственно предыдущей нечетной строке 9. Однако в строке остается неустраненной синтаксическая несогласованность множественного числа — «молчания» с единственным числом — «прикосновение». Если же квалифицировать «прикосновенье» как прямое дополнение, то следует читать «прикосновенья» (род. п. мн. ч.). В существующей редакции (ЕС) строка остается неясной.

Далее в этой строке — «к вдруг замершему на листе перу» — в (А1) слова «замершему» и «на листе» зачеркнуты и сверху вписано «к замедлившему на строке перу...». В (А2) — то же, но без конечного многоточия; в (АП) и (ТН) — то же, но «на строке» в запятых — редакционная дань «школьной пунктуации».

Изменение начала строки, несомненно, было продиктовано эвфоническими требованиями: сочетание четырех консонант [квдрүк] в (А1) почти произносимо, а словораздел «вдруг/замер» режет первую стопу по «живому телу».

Изменение на [кзлм'эд|л'иф]шему резко меняет ритм при полном сохранении метра (Я+2П+2Я), за счет смещения словораздела. Это придает строке легкость зачина, сохраняет целостность первой стопы и, естественно, вносит малую цезуру, разделяющую и без того контрастные фонемы [д] — [л'].

В заключение обратим внимание на особенности авторского прочтения этого стихотворения, сохранившегося на нескольких фонограммах. Одну из записей, сделанную в доме авторов данной статьи 2 февраля 1985 г., Анастасия Ивановна предварила следующими словами: «Когда мне было 80 лет и, когда, лежа в Коктебеле на камушках, уже, конечно, не тех, но все же каких-то недорогих, а так называемых «фермонпиксы» или «собаки»⁸, я искала эти цветные камушки — и вздумала написать... Вот, написала такие стихи. Вот и все».

1) Заглавие было прочитано согласно (АП) и (ТН) — «Мне 80 лет».

2) «Мне 80 лет?» — произнесено с интонационными вопросами в первой и второй частях строки. Отчетливо слышны акцент на «80» и вопросительный подъем тона на «лет».

3) «Молчание, прикосновение...» прочтено как перечисление (не прямое дополнение!).

Таким образом, предложенный анализ разночтений стихотворения «80 лет» раскрывает некоторые мотивы авторских изменений текста от строки к строке, свидетельствующие о пристальном внимании Анастасии Цветаевой к совершенствованию стихового материала от рабочего черновика к окончательной редакции, и корректирует принятую в публикациях датировку стихотворения.

СОКРАЩЕНИЯ

А1 — черновик с авторской правкой.

А2 — чистовой авторский список.

АП — Альманах «Поэзия». (М.: Молодая Гвардия, 1988. № 51).

ЕС — Анастасия Цветаева. «Мой единственный сборник». (М.: Изограф, 1995).

ПИ — Письмо Анастасии Цветаевой к М. И. Изергиной от 14. 08. 1975.

ТН — Анастасия Цветаева. «Тетрадь Ники». (М.: Возвращение, 1992).

ЩС — Анастасия Цветаева. «От щедрого сердца». Машинописное собр. около 2,5 тыс. инскриптов (автографов) писательницы (В 6 т. / Сост. Г. Васильев, Г. Никитина. М., 1993–2002). Находится в Доме-музее Марины Цветаевой (Москва).

НЧ — Анастасия Цветаева. «Неисчерпаемое» (М.: Отечество, 1992).

КОММЕНТАРИИ

¹ Попытки Анастасии Ивановны продолжить поэтическое творчество имели место и позднее: «<...> В 90 лет, готовя еду и моя посуду, я промурлыкала в воздух стихи «Мне 90 лет». Радуюсь, что они несколько не хуже тех, 10 лет назад. Но — телефоны, дела, люди, день до вечера без возможности записать стихи... А когда в поздний час я захотела их воплотить — они растворились в воздухе — память не удержала их. Вот «история» моего стихотворства» (АП. С. 106).

² Мария Николаевна Изергина (1904–1998) — певица, друг М. С. Волошиной и А. И. Цветаевой (с начала 1960-х гг.). Жила в Коктебеле. Летом ее дом становился салоном для приезжающих деятелей культуры.

³ набросок незаконченного стихотворения на обороте (А1).

О здоровье Тебе и о счастье Тебе

О Тебе, о тебе, о Тебе.

... Вижу я через стену: в усталости,

Ты закинул за голову руки.

Ты один. Никого. Сердце режущий звук

Проходящего поезда. Муки

Я своей не скажу никому,

⁴ Юрий Михайлович Калинин (ЩС. Т. II) случайно приобрел в букинистическом магазине книгу «Дневник Амиеля» и сразу же принес Анастасии Ивановне. На обороте форзаца Анастасия Ивановна сделала фиолетовой шариковой ручкой несколько записей в разное время. Запись первая: «Милому Юрию Михайловичу талантливейшему писателю, восхитившему меня в первый же раз, как прочел свою вещь. Ни единого промаха! Это так бесконечно редко!... Эстония, Кясму, 28. VI. 74. <...>».

Запись вторая: «<...> Кончаю, (кончила!) читать ее *ровно* месяц спустя, 28. VII. 74 — одна палочка в имени месяца. Но этот месяц безвозвратно ушел! И сроднясь с Амиэлем, простилась с ним. Или перед тем как вернуть это Вам, Юра, или после прочтения ее Вами — как хочу, чтобы Вы ее прочли! Я хочу дать перепечатать ее, хранить машинопись. И если Е. Ф. [Евгения Филипповна Кунина. — Авторы] не найдет у себя весь том дневника на французском — буду снова жить на его стр<ани>цах — и он оживать со мной. Вечер 28. VII Кясму».

Дневник профессора эстетики и философии Женевской академии Анри Амиеля (Henri Amiel, 1821–1881) был переведен в извлечениях Марией Львовной Толстой, дочерью Льва Николаевича Толстого, снабдившего книгу своим предисловием, в котором сравнил автора с Паскалем и Марком Аврелием.

Анастасия Цветаева написала на обороте форзаца этой книги: «Книгу эту в 1914–1917 годах мне *очень* советовал, хвалил Василий Васильевич Розанов. Мне она не попала, радуюсь за будущего читателя. А. Цветаева». О «Дневнике Амиеля» Розанов упоминает в «Эмбрионах» (1899) (Розанов В. В. Религия и культура // Розанов В. В. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 288–289).

⁵ Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989) — поэт, издатель. В 1925–1926 гг. издавал журнал «Благонамеренный», в котором участвовали видные литераторы русской эмиграции — И. А. Бунин,

В. Ф. Ходасевич, А. М. Ремизов, М. И. Цветаева и др. В 1926 г. принял на Афоне иноческий постриг, впоследствии — архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Стихи публиковал под псевдонимом «Странник». В 1925–1926 гг. вел переписку с М. Цветаевой, которой посвятил три стихотворения. Ниже приводится черновик инскрипта Анастасии Цветаевой на ее книге «Воспоминания» (М., 1974) с обращением «Дорогому Страннику» в виде второго или третьего экземпляра, сделанного под копирку на листе писчей бумаги А4 с авторской правкой чернилами. В инскрипте имеются обращение и три абзаца, размеченные в порядке 1), 3) и 2), на основании чего был реконструирован связный текст всего автографа. Приводим точный текст инскрипта в полном соответствии с написанием Анастасии Ивановны, где отсутствующие строки стихотворения восполнены согласно ее пометам. Справа вверху мелко: «Надпись на книге» (такой пометой Анастасия Цветаева неоднократно сопровождала копии своих автографов перед их надписыванием). Затем следует надпись на книге «Воспоминания»:

«Дорогому Страннику и поэту выбравшему путь, о котором строками Лермонтова

... Выхожу один я на дорогу ...
(4 строки)

[Заключенные в скобки «4 строки» предполагают воспроизведение в автографе всего первого четверостишия:

Выхожу один я на дорогу
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит].

1) (мой перевод этих строк

Lon[e]ly I go out into... (4 стр<оки>) [— также указание на полное воспроизведение четверостишия (НЧ. С. 214):

Lon[e]ly I go out into
Flinty road that in mist-afar;
Night is still. To God the waste is listening,
And the star is speaking to the star.

Весь выше приведенный текст подчеркнут разделительной чертой].

3) С [недописанное слово: «пожелань<ем>» — зачеркнуто] молитвой о физических силах светлой старости Вашей!

(Я много Вас старше:

«Мне 8 <0> лет. Еще легка пох<од>ка

(Коктебель, 1975)

Анастасия Ася Цветаева

[Год написания инскрипта «1976» попал, видимо, под написанное ниже в абзаце 2) слово «Вам»].

2) но м<ожет> б<ыть> Вам захочется прочесть о прошлом, о ст<арой> России в этой книге о детстве и юности Марининых и моих...

С болью расстаюсь (чужая книга) с неизд <анными> п<ись>мами ее, прожила с ней... в дни — годы... Как добро и верно [написанное ранее слово «точно» — зачеркнуто] Вы определили ее трагедию в предисловии к переписке! Никто так о ней не сказал...»

Атрибуция копии этого «безадресного» автографа встретила трудности. В. И. Масловский (научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой) высказал предположение — «к кн. Шаховскому», аргументируя свою атрибуцию тем, что в сб. «Неизданные письма» (Париж: Утса Press, 1972. Сост. Г. П. и Н. А. Струве) были опубликованы 20 писем М. И. Цветаевой к кн. Шаховскому со вступительной статьей адресата, подписанной псевдонимом «Странник». Эта книга попала в Советский Союз в количестве всего лишь нескольких экземпляров и сразу стала высоко ценным раритетом в руках специалистов и собирате-

лей. Один экземпляр имелся в 1970-е годы и в собрании коллекционера Л. А. Мнухина (ЩС. Т. II), который мог предложить его для прочтения.

Сначала предложенная атрибуция встретила возражения со стороны авторов статьи и Е. И. Лубянской. Во-первых, потому, что А. Цветаева была предельно осторожна во всем, что касалось упоминания, а тем более письменных контактов со столь одиозными в советской действительности лицами, как предполагаемый адресат ее дарственной надписи. Во-вторых, представлялось мало вероятным, что псевдоним кн. Шаховского «Странник» был в то время известен Анастасии Ивановне. Однако после внимательного изучения документов *de visu* и текстологического анализа текста «оппоненты» полностью согласились с атрибуцией Масловского.

⁶ Лубянская Екатерина Ивановна — цветаевед, друг Анастасии Цветаевой. Живет в Ленинграде. В архиве сохранилось 177 писем и других почтовых отправлений Е. И. Лубянской за период 1974–1988 гг.

⁷ К-50 — почтовый индекс корреспонденции, посылаемой Анастасии Ивановне «до востребования» в период проживания ее с 1962 по 1979 гг. в коммунальной квартире по адресу: Москва, ул. Горького 26/1, кв. 9.

⁸ Шутливое словотворчество, принятое обитателями Дома Поэта в Коктебеле в начале века.

О. Трофилова. АНТЕЛ НА ПЛЕЧЕ